

Процесс 21-го

**С приложением библиографической заметкой Г.А.
Лопатина**

УДК 93
ББК 63.3
П84

П84   Процесс 21-го: С приложением библиографической заметкой Г.А. Лопатина / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 82 с.

ISBN 978-5-458-16014-8

ISBN 978-5-458-16014-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

III

вались въ памяти изъ его случайныхъ разсказовъ, не ставили ему ряда систематическихъ вопросовъ для пополненія пробѣловъ, для приведенія въ хронологическій порядокъ частныхъ данныхъ, для установки фактической связи между различными отраслями его дѣятельности. Время шло. Частности выслушиваемыхъ разсказовъ ступшеывались въ памяти. И вотъ наступила катастрофа. И друзья его, желая восстановить его біографію въ ея цѣлости, очутились передъ смутными данными громаднаго и разнообразнаго цѣлаго, которое осилить крайне трудно.

Такъ какъ я былъ въ послѣдніе годы однимъ изъ близкихъ друзей Германа Александровича, то и на мнѣ лежитъ не малая вина въ томъ, что я не постарался своевременно записать слышанное и пополнить пробѣлы. Но мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы онъ самъ не нашелъ для себя интереснымъ позаняться этимъ трудомъ. Къ тому же каждый разъ, когда мы встрѣчались или жили въ одномъ городѣ послѣ его бѣгства изъ Сибири, намъ приходилось постоянно говорить о столькихъ вопросахъ живаго, насущнаго дѣла, приходилось переписываться о столькихъ дѣлахъ, стоявшихъ на очереди, и о текущихъ событіяхъ, живо интересовавшихъ насъ обоихъ, что его разсказы именно мнѣ о разныхъ эпизодахъ его жизни оставались всегда отрывочны и недостаточно подробны, а переписка наша, какъ я могъ снова убѣдиться, перебирая листы, исписанные его мелкимъ и красивымъ почеркомъ, гораздо важнѣе для частныхъ дѣлъ, интересовавшихъ насъ въ эти годы, чѣмъ для харак-

сывали отрывочныхъ эпизодовъ, которые удерживали характеристики его личности и его общихъ взглядовъ. Этою перепискою можно бы воспользоваться лишь какъ однимъ элементомъ для очень подробной біографіи, гдѣ шло бы дѣло о востановленіи личности во всѣхъ ея общественныхъ и частныхъ отношеніяхъ въ потокѣ мелкихъ и крупныхъ событій времени, а не въ небольшой замѣткѣ о Лопатинѣ для новаго поколѣнія русскихъ революціонеровъ, замѣткѣ, которую я пишу въ настоящую минуту.

Послѣ того, какъ онъ былъ взятъ въ послѣдній разъ, я сдѣлалъ попытку собрать матеріалъ для подробной біографіи. Черезъ посредниковъ я пытался обратиться къ друзьямъ его молодости, которые могли бы доставить мнѣ свѣдѣнія о тѣхъ годахъ его, о которыхъ онъ всего менѣе рассказывалъ. Я зналъ, что съ однимъ изъ своихъ близкихъ пріятелей, человекомъ чисто-теоретическихъ занятій и чуждымъ всякихъ революціонныхъ порывовъ, онъ велъ длинную и весьма интересную переписку о теоріяхъ Герберта Спенсера и Карла Маркса; я старался достать эту переписку на время. Я обратился черезъ другихъ посредниковъ къ личности, близко знавшей его въ Иркутскѣ и способной сообщить мнѣ въ этомъ случаѣ подробности о томъ, какъ онъ скрывался и какъ бѣжалъ, подробности, которыя онъ рассказывалъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ даже близкимъ людямъ, не желая назвать лицъ, пособившихъ ему въ этомъ дѣлѣ. Обращался я и ко многимъ другимъ, имѣвшимъ возможность знать лучше тотъ или другой эпизодъ его жизни, тѣ или другія болѣе важныя его отношенія. Но мои по-

пытки были, большей частью, очень неудачны. Лишь одно лицо — правда, близко знавшее его и имѣвшее болѣе другихъ возможность выслушивать отъ Г. А. рассказы о различныхъ эпизодахъ его жизни — доставило мнѣ сжатый очеркъ главныхъ событій его жизни, но очеркъ весьма недостаточный. Друзья его молодости отказались доставить данныя, ссылаясь на то, что составленіе его біографіи теперь несвоевременно и могло бы лишь повредить ему. Я позволяю себѣ надѣяться, что главною причиною было не желаніе входить въ сношенія со мною, такъ какъ само собою разумѣется, что теперь имѣлось въ виду лишь собраніе полного и точнаго матеріала, а не немедленное напечатаніе того, что могло бы компрометировать кого бы то ни было. Позволяю себѣ надѣяться и на то, что они всетаки запишутъ то, что имъ было извѣстно о Г. А., для того, что бы кто либо другой могъ утилизировать это хотя бы въ будущемъ. Отъ его пріятеля — теоретическаго корреспондента пришли ко мнѣ извѣстія, что переписка о теоріяхъ Спенсера и Маркса „сожжена“ въ одну изъ эпохъ русской политической паники. Позволяю себѣ и тутъ надѣяться, что подобное безобразіе совершенно не было, а что просто корреспондентъ Лопатина не желалъ довѣрить этой переписки мнѣ: пусть хранитъ ее на будущее, не опасаясь послѣдствій, такъ какъ, если бы о знакомствѣ его съ Лопатинымъ узнали — что вещь весьма возможная — то, напротивъ, предьявленіе чисто-теоретической переписки докажетъ всего яснѣе, съ нимъ Г. А. не могъ толковать о революціонныхъ вопросахъ. Посредники

между мною и лицомъ, близкимъ Герману Александровичу въ Иркутскѣ, доставили мнѣ сначала очень неудовлетворительный отвѣтъ, а затѣмъ самое это лицо умерло и этотъ источникъ уже пропалъ на вѣки. Изъ общавшихъ матеріалъ для его біографіи одни мнѣ до сихъ поръ ничего не прислали, другіе доставили переписку, интересную лишь для освѣщенія нѣкоторыхъ частныхъ эпизодовъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время не существуетъ матеріала для сколько нибудь полной біографіи Лопатина, при всей ея занимательности, при множествѣ людей его знавшихъ, имъ интересовавшихся, слушавшихъ его рассказы, переписывавшихся съ нимъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ. Мои личныя воспоминанія отрывочны и во многихъ частностяхъ смутны. Его письма ко мнѣ имѣютъ преимущественно интересъ или вполне частный, или касаются общихъ дѣлъ, но такихъ, о которыхъ долго еще не настанетъ время говорить вполне откровенно. Біографію Лопатина теперь написать еще нельзя.

Повторяю, что эту біографію могъ бы надлежащимъ образомъ написать лишь онъ самъ. Будетъ ли онъ когда либо въ состояніи это сдѣлать? „Пока есть жизнь есть и надежда“ говорятъ медики. Я не хочу отчаяваться и въ моей родинѣ. Я считаю возможнымъ, даже вѣроятнымъ, что тѣмъ или другимъ путемъ она свалитъ позорящее ее иго петербургскаго императорства еще въ достаточно-близкій срокъ, что бы могъ выйти на свободу и написать записки о своей жизни одинъ изъ талантливейшихъ русскихъ людей. Но не могу скрыть отъ

себя, что вѣроятность не особенно велика. Въ такомъ случаѣ является вопросъ; можетъ ли когда либо быть написана біографія Германа Александровича?

Когда придетъ эпоха, что самодержавіе перестанетъ деморализировать русское общество, внушая большинству рабскій страхъ и унижая характеры; когда можно будетъ гордиться сношеніями съ Лопатинымъ и тѣмъ, что помогаль ему въ одномъ изъ его бѣгствъ, переписывался съ нимъ о теоретическиххъ вопросахъ или даже о революціонномъ дѣлѣ; когда нечего будетъ его біографу опасаться, что, упоминая какое нибудь лицо въ связи съ его именемъ, рискуешь навлечь на это лицо допросы, обыскъ, а то и кое что похуже — если въ то время будутъ еще живы пріятели его молодости и люди, близкіе ему въ разныя эпохи его жизни, если ихъ память будетъ свѣжа, или окажется, что они имѣли храбрость сохранить гдѣ нибудь въ завѣтномъ углу переписку съ „государственнымъ преступникомъ“, иногда дрожа при одной мысли о ея существованіи, — тогда, можетъ быть, найдется человекъ, который будетъ достаточно счастливъ, что будетъ имѣть въ рукахъ матеріаль для біографіи, имѣющей интересъ рыцарскаго романа съ приключеніями, при чемъ онъ будетъ имѣть дѣло съ личностью, которой предлагали кафедру при самомъ оставленіи скамьи университета, съ писателемъ, блестящія страницы писемъ котораго восхищали Тургенева, съ мыслителемъ, котораго уважалъ, какъ немногихъ, Карлъ Марксъ, очень неподатливый на уваженіе, съ дѣятелемъ, который не останавливалъ

VIII

ся ни передъ какими трудностями положенія дѣлъ и, въ то же время, съ собесѣдникомъ, который прельщалъ всѣхъ и cadaго, былъ душою всякаго общества, привлекалъ къ себѣ и самодура генераль губернатора Восточной Сибири, и ученыхъ изслѣдователей, и молодыхъ дѣвушекъ, и осторожныхъ каторжниковъ, и фанатиковъ - революціонеровъ. При достаточномъ матеріалѣ и при умѣннн писателя понять личность и выпукло выставить ее въ ея характеристическихъ особенностяхъ и во всемъ разнообразіи ея силъ, это будетъ произведеніе, которымъ будутъ зачитываться и которое одно можетъ доставить литературную славу его автору.

Но теперь, повторяю, для него нѣтъ матеріаловъ и если бы даже они были, обнародовать эту біографію было бы невозможно, не по какимъ либо ужаснымъ политическимъ секретамъ, въ ней заключающимся, а по множеству лицъ, которыхъ пришлось бы упомянуть и „компрометировать“ однимъ этимъ упоминаніемъ.

Поэтому я пишу не болѣе какъ „замѣтку“ о моемъ другѣ для современнаго поколѣнія русской соціально-революціонной молодежи, изъ которой большинство или вовсе не знало его, или знало, но очень мало. Данные, которыми я располагаю, крайне отрывочны и неполны.

II.

Германъ Александровичъ Лопатинъ родился въ дворянской семьѣ въ Нижнемъ Новгородѣ 13 Января 1845 года. Насколько мнѣ извѣстно, его отецъ и до сихъ поръ живъ. Его мать умерла тому года

два. Съ нею онъ переписывался все время до своего послѣдняго ареста, и не разъ, отправляясь въ Россію на свои рискованныя поѣздки, онъ поручалъ мнѣ переслать ей, какъ будто изъ Парижа, заранѣе составленное письмо, и доставить ему въ Россію тѣмъ путемъ, которымъ мы поддерживали наши сношенія, ея письма изъ Ставрополя, ему присылаемыя на мой адресъ. Эта переписка матери съ сыномъ не была секретомъ.

Пяти лѣтъ Г. А. былъ перевезенъ въ Ставрополь, гдѣ учился въ гимназій, получилъ золотую медаль и въ 1862 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ на естественное отдѣленіе математическаго факультета. Уже въ университетѣ, при тѣхъ „исторіяхъ“, которыя неизбѣжно повторяются въ каждомъ университетскомъ поколѣніи, онъ являлся естественнымъ руководителемъ и представителемъ товарищей въ трудныхъ случаяхъ, а его живой и веселый характеръ создалъ ему множество дружескихъ и пріятельскихъ связей. Въ 1866 г. онъ кончилъ курсъ со степенью кандидата, написавъ диссертацию о самопроизвольномъ зарожденіи, вопросъ въ то время еще мало разработанный. Предметъ былъ разобранъ такъ полно и защита диссертации была такая блестящая, что, не смотря на теоретическое разногласіе молодаго защитника самопроизвольнаго зарожденія со всѣми его оппонентами, ему предложено было остаться при университетѣ. Но роль кабинетнаго ученаго не была привлекательна для его живой природы. Онъ отказался.

Въ это самое время онъ имѣлъ уже случай дебютировать и въ качествѣ „прикосновеннаго къ по-

литическому дѣлу“. Онъ былъ знакомъ съ большинствомъ Каракозовцевъ. Его веселый характеръ и вѣчныя шутки имѣли слѣдствіемъ, что руководители заговора считали его слишкомъ „легкомысленнымъ“ для вовлеченія его въ самое „дѣло“, но близкія личныя сношенія со многими участниками, довѣріе, которое онъ всегда умѣлъ внушить пріятелямъ, и его собственная проницательность, позволяли ему угадывать по полуслову то, что ему не хотѣли высказывать ясно. Онъ не былъ собственно участникомъ заговора, но зналъ его террористическую цѣль и планъ государственнаго переворота въ случаѣ удачи задуманнаго дѣла. Но, какъ извѣстно, личность Каракозова, неспособнаго выждать подготовленія необходимой обстановки для катастрофы, разрушила расчеты заговорщиковъ. Выстрѣлъ 4 Апрѣля 1866 г. былъ сюрпризомъ для руководителей дѣла. Начались повальные аресты эпохи диктатуры въ Петербургѣ Муравьева-вѣшателя. Забирали всѣхъ и cadaго, кто находился въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ съ Каракозовымъ или съ его знакомыми. Была минута, когда изъ всего кружка людей, лично связанныхъ съ заговорщиками, на свободѣ оставался только „легкомысленный“ Лопатинъ. О немъ вспомнили арестанты и на него возложили порученія, не лишеныя затрудненій въ эту эпоху первой политической паники, охватившей наивныхъ и трусливыхъ русскихъ либераловъ, когда въ театрахъ дѣлали нелѣпыя оваціи Коммисарову, актеровъ, представлявшихъ поляковъ въ оперѣ „Жизнь за царя“, заставляли, снявъ каски, пѣть официальный гимнъ, когда подписывались безтолковые адреса,

доносы сыпались какъ градъ, братъ отрѣкался отъ брата, а кто хранилъ въ шкатулкѣ экземпляры „Молодой Россіи“, „Великоросса“ или копіи обширной рукописной литературы 50-хъ годовъ, торопился дрожащими отъ страха руками сжечь все это. Лопатину приходилось извѣщать оставшихся на свободѣ о томъ, кто взятъ и что о нихъ извѣстно. Ему надо было уничтожить бумаги, компрометирующія арестованныхъ и находившіяся въ разныхъ мѣстахъ. Здѣсь онъ впервые выказалъ ту находчивость, изобрѣтательность, смѣлость и энергію, какъ въ серьезныхъ вещахъ, такъ и въ самыхъ съ виду ничтожныхъ, но въ сущности очень важныхъ, мелочахъ, которыя выдвинули его сразу изъ ряда дюжинныхъ участниковъ конспирацій, сдѣлали его неопытнымъ сотрудникомъ въ политическомъ дѣлѣ и разъ на всегда разсѣяли легенду о его „легкомысліи“. Здѣсь начался и рядъ тѣхъ несчетныхъ приключеній, которыя съ этого времени составляли какъ бы естественные эпизоды его жизни. Такъ мнѣ рассказывали, что ему нужно было извѣстить одну даму о томъ, что захвачены компрометирующія ее письма. Придя на квартиру, онъ узналъ отъ кухарки, что жандармы производятъ тамъ обыскъ. Онъ считалъ полезнымъ узнать, что они дѣлаютъ, подкрался къ двери и сталъ прислушиваться. Но дверь внезапно отворили. Онъ выскочилъ изъ окна и скрылся.

Конечно при повальныхъ арестахъ того времени, трудно было, чтобы не забрали и Лопатина. Но здѣсь помогла ему та сторона его характера, которая побуждала сначала заговорщиковъ не впол-

нѣ довѣрять ему. Допрашивающіе остались увѣренными, что предъ ними одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, для которыхъ внѣ шутокъ, забавъ, женщинъ и „прожиганія жизни“ не существуетъ ничего въ мірѣ. Никифераки, какъ говорятъ, прямо высказалъ, что такого милаго юношу ничто не собьетъ съ надлежащей жизненной дороги. Лопатина скоро выпустили. Такъ какъ онъ былъ чуть ли не единственнымъ лицомъ, которому теперь могли довѣрить дѣло, то, при погромѣ, раздробившемъ всѣ главные элементы организаціи, онъ, двадцатидвухлѣтній мальчикъ, одно время оставался административнымъ центромъ немногихъ остатковъ заговора и, такъ сказать, ликвидировалъ его дѣло.

Относительно событій жизни Германа Александровича между началомъ 1867 и концемъ 1869 года мнѣ невозможно установить въ настоящую минуту точнаго хронологическаго порядка, но въ это время, именно въ 1867 г., онъ въ первый разъ уѣхалъ за границу (на сколько мнѣ извѣстно — тайно), гдѣ пробылъ не долго, былъ арестованъ по поводу основанія „рублеваго общества“ и служилъ нѣкое время чиновникомъ особыхъ порученій у Ставропольскаго губернатора. Въ это же время онъ ознакомился съ теоріями Спенсера и Маркса.

За границу онъ уѣхалъ съ цѣлью участвовать въ новомъ предпріятіи Гарибальди противъ Рима, но событія пошли быстрее, чѣмъ онъ ожидалъ. Онъ не успѣлъ доѣхать до мѣста, когда битва при Ментонѣ (3 Ноября 1867) и плѣнъ Гарибальди положили конецъ этой эпопее. Въ эту поѣздку онъ познакомился съ Александромъ Ивановичемъ Герце-